

Наверное, не было в России такого поэта, который не написал бы хотя бы одного стихотворения о природе. В чьём-то творчестве эта тема занимает видное место, в чьём-то – мало-заметное. Сибирские поэты разных поколений зачастую тоже были неравнодушны к теме природы. Александр Плитченко – один из них.

Стихотворения Плитченко о природе имеют ряд особенностей, отличающих его творчество от творчества других русских поэтов. Прежде всего его стихи созерцательны, что сближает их с творениями восточных (японских, китайских) стихотворцев, чьи произведения наполнены зрительными образами, подчас символическими. Поэзия же Александра Ивановича проста, но при этом богата неподдельным чувством близости тому, о чём он пишет.

Одно из произведений, в котором наиболее полно отразилась его творческая установка – стихотворение «Малиновка». В нём большую роль играет мотив ожидания («вот-вот»). Утро после дождя представлено как некое священное действие, таинство, в которое посвящён созерцающий человек. Поэт «перемещает взгляд» читателя сначала – вниз (травы), затем – вверх (деревья), затем снова – вниз (корни). Стихотво-

рение словно «дышит» (с этим приёмом мы встретимся ещё не раз). Грудь спящей природы то поднимается, то опускается, от земли – к небу и обратно, а птица как её душа; она – между небом и землёй. Если в первой строфе описываются незавершённые действия, то во второй и вовсе наступает отрешение от всякой суеты. Лирический герой боится потревожить покой природы; это напоминание о большой силе человека, которую он должен уметь рассчитывать, не используя для принуждения, чтобы не нарушить природную гармонию.

Ещё в двух стихотворениях мы снова столкнёмся с явлением «дыхания», столь характерным для творчества поэта. Одно из них – «Зимнее утро». Здесь мы снова видим чередование «верха» и «низа»: небо («от звёзд») – промежуточное положение («берёза») – земля («сугробы») – промежуточное положение («свет») – небо («небосвод заголубел») – промежуточное («восход») – земля («зерно в земле»). Аналогичным образом в стихотворении чередуются тёмное (тетерев, синие сугробы, тёмный небосвод) и светлое (берёза, куржак, заголубел), движение и его отсутствие. Но, несмотря на это, в произведении сохраняется ощущение покоя, тишины, сна, но не мертвенного, а наполненного тайной жизнью дремлющих сил.

Во втором стихотворении – «По степи» – Природа представлена, как некий великан, прикосновение которого очищает душу человека, даёт ей ощущение свободы и простора. Появляется слово «синева», играющее важную роль в поэзии Александра Ивановича (ему даже посвящено отдельное стихотворение). Здесь же происходит «перетекание» вида в звук, звука – в движение или ощущение, и обратно, чередования «низ-верх» и «близь-даль». В качестве примера можно привести заключительные слова из пятой строфы: будет душу томить, будет звать этот звон (звук), этот зной (ощущение), эта степь (вид). Это также одно из первых стихотворений, где

отражена тема взаимосвязи и органического единства всего, что есть в природе: неживого (вода, море, гром) и одушевленного (растения, животные). В некоторых более поздних стихотворениях мы сможем встретить даже превращения одного в другое.

«Краткость – сестра таланта». Короткие произведения поэта по образности и ёмкости содержания напоминают лучшие образцы японской поэзии. Сравним два стихотворения: первое из них принадлежит перу Плитченко, другое же сочинено японским поэтом Басё.

* * *

*Просторный и сухой
Сентябрь на исходе.
И от меня деньки,
Как с дерева листки,
Летят, летят...
Я отпущу поводья.
Осенние дороги коротки...*

* * *

*Важно ступает
Цапля по свежему жниву.
Осень в деревне.*

В стихотворении Александра Ивановича жизнь природы символически связана с жизнью человека (дни жизни как листья дерева). К тому же в конце делается некий вывод, подводятся итоги, вобравший в себя суть всего произведения («осенние дороги коротки»). Японское стихотворение более созерцательно, целиком сосредоточено на природе, оставляет больше простора для фантазии, лишено вывода. Эти стихотворения, несмотря на их краткость, дают нам картину довольно длительного периода – осени.

Но есть у поэта и несколько произведений, описывающих краткие моменты, «переходы» из одного состояния в другое. Одно из них так и называется: «От молнии до грома». Все ключевые слова в нём обозначают нечто кратковременное («на мгновенье», «ударила», «подпрыгнули», «взлетели», «наморщилась», «налёт», «на миг», «пахнуло», «упал»). Поэт управляет нашим внутренним взглядом, направляя его то вверх, то вниз: мы видим, как вечернее небо, озарённое молнией, поднимается и светлеет и тут же быстро «падаем» на землю вместе с дождейкой, взлетаем вместе с деревьями-журавлями и оттуда смотрим вниз на реку и т. д. Для стихотворения характерно стремительное нагнетание тревожного, трагического настроения в конце разрешающегося раскатом грома, подобным падению Икара. Но несмотря на эти ассоциации, Плитченко, одушевляя природу, не очеловечивает её, а признаёт за ней самостоятельность, неповторимую самобытность.

Промежуток времени от молнии до грома очень краток, в промежутке же между двумя дождями можно продумать и прочувствовать больше. Стихотворение «Между двумя дождями» своими интонациями похоже на былинное сказание, в нём чувствуется древность, сила и необъятность мира. Необычны эпитеты (звонящее цветение, холодный гул). Мы видим, как холод дождя объемлет зной, возвращая природе (а заодно и человеку) молодость и радость. В образе струйстволов прослеживается нерасторжимая связь земли и неба. Общее настроение – ликующее. Много цвета: синий, зелёный, золотой. В отличие от предыдущего стихотворения, часто встречаются слова, обозначающие длительные и величественные состояния: «нескончаемый», «вечность», «мироздание», «долгий». А что же люди? Они ничтожно малы, неподвижны по сравнению с быстрым ливнем, но природа через дождь

передаёт им свою бесконечность и величие. Начальные и конечные строфы стихотворения перекликаются, замыкая круг, являя вечную смену явлений природы, зноя и прохлады.

Так же, как сменяют друг друга явления природы, происходит и смена времён года. Она не столь заметна, но и это пограничное состояние можно уловить. Основной мотив стихотворения «Ночь пролетела, проплыла...» – молчание, изредка нарушаемое незначительными колебаниями воздуха и воды. Тишина в природе редко бывает полной, и эти редкие, далёкие звуки как призрак ушедшего лета. Оно в стихотворении сравнивается с перелётной птицей-гостьей. Произведение можно условно поделить на две части, разделяемые словами «А утром осень наступила». В первой из них лирический герой смотрит вдаль, провожая уходящее лето; воздух, вода и связанные с ними образы словно «перетекают» друг в друга, объединяемые картиной «пролетевшей, проплывшей» ночи, а утопленное колечко заставляет вспомнить сказку «Двенадцать месяцев». Во второй части лирический герой-наблюдатель попадает в наше поле зрения, оставаясь, тем не менее, безмолвным. Дальние образы сменяются близкими.

Особенность природного времени, в отличие от исторического, в том, что оно идёт по кругу, но при всей похожести друг на друга, каждое явление неповторимо, как, например, наступление весны. Стихотворение «По шуму первому берёз...». Здесь Александр Плитченко показывает нерушимую родственную связь природы и человека.

Одним из важнейших образов в поэзии Плитченко является образ дерева, рождающий возвышенный и даже религиозный настрой. Одно стихотворение так и называется: «Деревья». Уже в этом раннем произведении прослеживается связь дерева с небом, утверждается его самоценность, вопреки из-

вечному стремлению человека всё вокруг наделить своими качествами.

Дерево безгрешно, оно рождено, чтобы творить добро, подобно ангелу-хранителю. Его жребий не только не ниже, но, может быть, и возвышеннее человеческого. Недаром в стихотворении «Дубовые листья» сомкнувшиеся кроны деревьев у поэта ассоциируются с куполом храма. Начало и конец произведения перекликаются, от них веет холодом и гибелью, пустотой. Здесь снова связь воды и неба (болотная топь и свод небес). Плитченко соединяет порой несоединимое: тишина устоялась гулко, светятся в тени, грохочущая листва, покой одновременно с грохотом, расколотость неизбежного света и т. п. На протяжении всего стихотворения происходит постепенное перемещение взгляда читателя снизу вверх: глубь – поверхность болота – трава – купол осеннего собора (ветви) – небо – ледяные очи тьмы (космос). И всё это пронизано ощущением трагедии, запустения в храме.

Но лес у поэта не всегда мрачен. Достаточно вслушаться в стихотворение «Белые свечи». В нём противопоставляются тёмное и светлое начала. Образы, связанные с ельником: уныние, стена, чёрные годы, мысленный бред; образы, связанные с берёзовым лесом: радость, свет, небесное, Божие чудо. Во втором четверостишии Плитченко использует излюбленный приём обращения ко всем чувствам читателя (видишь – слышишь – чуешь), но при этом суммирует их в сознании, доводит до сердца (понимаешь). И это очень важно, ведь человек, оторвавшись от природы, может забыть себя, а она дарит надежду на лучшее, как свечка в храме. Берёза – что-то бесконечно родное, недаром она издревле почиталась на Руси.

Деревья родственны человеку. И недаром их созерцание наводит на философские размышления, как в стихотворении «Ветви-корни». Здесь, как и во многих других стихотворениях

Плитченко, дерево не уподобляется человеку, а раскрывается его самостоятельная глубинная сущность. Снова переключка неба и воды (свет называется небесной влагой). Используются языческие, античные мотивы: Мать-Вселенная, хаос, деревья сравниваются с Атлантами, добрыми великанами, благодаря которым мир ещё не распался. Стволы соединяют небо и землю, подчёркивается их вечность, они – продолжение божественного света, который таким образом пронизывает всё.

Поэт обращается к человеку, призывая уподобиться природе, а не наоборот. В стихотворении «Летний пейзаж с птицей» очень чувствуется желание такого уподобления, дающего ключ к вечности. «Меж нами и вечностью – дымка одна», – пишет поэт в этом произведении, которое можно условно разделить на три части:

1. Описание состояния природы. Она живая. Более того, она – личность (дышит, глядит, раскрывается). То, о чём мы можем лишь мечтать, для неё просто и естественно.

2. Вторая часть уже более подробно описывает чувства лирического героя. Он, как это часто встречаем у Плитченко, созерцатель, душа которого обращена к миру, словно «вбирая» в себя его благодать. И мы становимся свидетелями этого радостного «наполнения» и «переполнения»: сначала – счастье, длящееся всего лишь мгновение, затем – возвращение ушедшего детства, и, наконец – разгаданная тайна, приобщающая к вечности. Ощущения прошлого, настоящего и будущего сжимаются в одну точку...

3. ... и «выплёскиваются» в третьей части в виде трёх восклицательных предложений! «Ибо от избытка сердца говорят уста». Земное и небесное переплетаются, создавая целостное ощущение рая, каждый из жителей которого как бы делится своими возможностями с другими. Снова возникает образ птицы как символ жизни, объединивший в себе земное и не-

бесное, приближающий их друг к другу. Цветы и солнце в природе подобны телу и душе человека, хотя и не идентичны им. Их с лирическим героем роднит общее состояние бурного восторга и радостного пения, наполняющего всё вокруг.

Тему этого стихотворения продолжает довольно необычное произведение – «Лицо». Последовательность образов в этом стихотворении соответствует процессу рисования с натуры: сначала лёгкие контуры, общие черты (предложения заканчиваются многоточиями); затем пропорции, соотношения частей (предложение, описывающее взаимодействие воздуха и света, камня и огня, заканчивается точкой); и, наконец, выразительные детали (берёзовый лист, золотой луч, пульсация крови в тишине; восклицательный знак после каждой фразы). В начале и в конце стихотворения автор-художник обращается к читателю-зрителю, пытаясь пробудить его духовное зрение.

Это зрение позволяет увидеть черты прошлого в настоящем, связь времён, что мы видим в произведении «Появилось неслышно...». В этом стихотворении присутствует мотив круга, выражающийся в хороводе птиц, циклической смене времен года, возвращении по вчерашней дороге. Композиция произведения выстроена по принципу чередования видовых описаний и ощущений героя, отсылающих его в прошлое. Туман будит воспоминания о доме, о детстве (утро вызывает ассоциации с началом жизни), о Рае («Словно земли мои уподоблены небу!»).

Природа не только возвращает нам детские ощущения, но и утешает, очищает душу. Стихотворение «Дни мои безвыходно поникли...» как бы суммирует мотивы всех предыдущих: земля как родной дом, переполнение сердца благодатью, связь земли и неба, человека и природы. Земляника здесь – как символ невинной юности, способный очистить душу и сердце от скверны; в ней отстоялись те самые «потoki доброй

силы», о которых читаем в стихотворении «Ветви-корни», и недаром она сравнивается со звездой.

И закончить хотелось бы стихотворением, где чувства лирического героя, звучащие в унисон с состоянием природы, достигают своей высшей точки. Известна пословица: «Жизнь прожить – не поле перейти». Это сравнение жизни с полем играет в произведении большую роль. «Сельские чудеса» словно отражаются в душе героя, находя в ней живой отклик, рождая философские размышления о мироздании:

Молочное стадо

*Дышать и дышать до упаду
Прохладою сельских чудес,
Созвездье молочного стада
Следить у незримых небес.*

*И легким усилием воли
Вослед голубым голосам
Припомнить единое поле,
Где каждой травинкою –
Сам.*

*Неясной судьбы и далёкой
Почуять движенье и плоть,
Условия, грани и сроки
Забывать или перебороть.*

*И горестный день увяданья
Уже не заглянет сюда,
Покуда тропой мирозданья
Молочные бродят стада.*